

УДК 821.161.1-31.09”19”Набоков
ББК 83.3(2=Рус)6
X 25

Хаткова И.Н.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и массовых коммуникаций Адыгейского государственного университета, e-mail: iren714@yandex.ru

Донец А.А.

Магистрант кафедры литературы и массовых коммуникаций Адыгейского государственного университета, e-mail: stroller100@yandex.ru

Интертексты русской классики XIX века (Пушкин, Чернышевский) в романе В. Набокова «Дар» *(Рецензирована)*

Аннотация:

Рассматриваются характерные особенности интертекстуальной прозы на примере роман В. Набокова «Дар». В исследовании актуализированы проблемы, связанные с выявлением своеобразия творческого метода писателя, неотъемлемой частью которого является интертекстуальность. Анализ показал, что в романе «Дар» представлены различные виды интертекстуальных связей с классическими текстами, прежде всего произведений А.С. Пушкина и Н.Г. Чернышевского. Определенным образом смысл и содержание романа В. Набокова «Дар» формируют такие приемы интертекстуальности, как интерпретация, стилизация, аллюзия. Установлено, что эстетическая концепция романа В. Набокова «Дар» имеет полемическую направленность. Научная и практическая значимость, а также актуальность исследования связаны с интертекстуальным анализом произведения.

Ключевые слова:

Интертекстуальность, интертекст, интерпретация, стилизация, аллюзия, реминисценция, ассоциации, полемичность, ирония, творческий метод.

Khatkova I.N.

Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Literature and Mass Communications, Adyghe State University, e-mail: iren714@yandex.ru

Donets A.A.

Master's Degree Student, Department of Literature and Mass Communications, Adyghe State University, e-mail: stroller100@yandex.ru

Intertexts of Russian classics of the 19th century (Pushkin, Chernyshevsky) in V. Nabokov's novel "Gift"

Abstract:

The paper discusses the characteristic features of intertextual prose using an example of V. Nabokov's novel "Gift". The study updated the problems associated with identifying the peculiarity of the writer's creative method, an integral part of which is intertextuality. The analysis shows that the novel "Gift" presents various types of

intertextual connections with classical texts, primarily the works of A.S. Pushkin and N.G. Chernyshevsky. In a certain way, such techniques of intertextuality as interpretation, stylization and allusion form the meaning and content of V. Nabokov's novel "Gift". It has been established that the aesthetic concept of V. Nabokov's novel "Gift" has a polemic orientation. Scientific and practical significance, as well as the relevance of the study, are associated with intertextual analysis of the work.

Keywords:

Intertextuality, intertext, interpretation, stylization, allusion, reminiscence, associations, polemic, irony, creative method.

Художественные произведения В. Набокова характеризуются наличием множества миров, иллюзий, фикций. Своеобразному литературному стилю Набокова присуща игра с реминисценциями и цитатами, поэтому наиболее интересным и современным является интертекстуальный анализ прозы писателя. «Теория интертекстуальности получила свое широкое развитие во второй половине XX века. С момента появления термина «интертекстуальность» и до настоящего времени не утихают дискуссии о его содержании и новизне явления. Вопросы, связанные с интертекстуальностью, разрабатывались в трудах Ю. Кристевой, Ю.М. Лотмана, Р. Барта и др.» [1: 207].

Одной из причин возрастающего интереса к данным явлениям можно считать тот факт, что интертекстуальный анализ произведения дает новые точки понимания художественного текста. По мысли Р. Барта, «...каждый текст является интертекстом: другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т.д. – все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык» [2: 214].

Интертекстуальным аспектам прозы В. Набокова посвящена монография П. Мэйер «Найдите, что

спрятал матрос» (русский перевод) [3].

Набоков своеобразно относился к русской литературе, что нашло отражение в его «Лекциях по русской литературе» [4]. Больше всего, по всей видимости, писатель ценит традиции русской классической литературы XIX века. А если и говорить о литературе того времени, то можно с точностью сказать, что фигура Пушкина являлась авторитетом для писателя на протяжении всей его творческой карьеры.

Примечательны слова Набокова о поэте: *Говорят, что человек, которому отрубили по бедро ногу, долго ощущает ее, шевеля несуществующими пальцами и напрягая несуществующие мышцы. Так и Россия еще долго будет ощущать живое присутствие Пушкина* [5: 242]. Это цитата из романа «Дар», где Сухощев, являющийся будто бы автором, рассказывает о происшедшем с неким господином Ч. И когда этому господину показывают смуглолицего старика в ложе напротив и говорят: *Да ведь это Пушкин* [5: 312], тот с удовольствием подчиняется этой иллюзии. Театральное действие на сцене об обманутом муже, загадочный образ мужчины с нетипичными чертами, смуглолицей таинственной мужчины – все это сливается в одно, и вот уже сам рассказчик воодушевляется своей же фантазией: *Что если это впрямь Пушкин в шестьдесят лет, Пушкин, пощаженный пулей рокового хлыща, Пушкин, вступивший в роскошную осень своего гения...* [5: 314]. Набоков писал в своей книге «Другие берега»: «Пушкин и Толстой, Тютчев и Гоголь встали

по четырем углам моего мира» [6: 12]. Набоков часто переводил произведения А.С. Пушкина, ему было очень важно познакомить англоязычного читателя с творчеством русского поэта.

Выступая 11 февраля 1937 г. перед французской аудиторией, Набоков говорил: «Он так же составляет часть нашей интеллектуальной жизни, как таблица умножения или что-то другое, привычное нашему уму ... ни на одно мгновение не поблекла истина Пушкина, нерушимая как сознание. Наоборот, кажется, дивный дух сейчас воцарился в мире. Когда среди людей есть Человек, его лучезарное влияние стоит лучших умов прошлого» [7: 31]. Для Набокова Пушкин стал одной из главных тем собственного творчества. В его художественных произведениях содержится особый «пушкинский сюжет», «пушкинский код», с ними связана идея двоимирия: мир подлинной, творческой реальности и мир ложный, «корявая копия». Мир пошлости враждебен человеку и художнику, воспетой Пушкиным духовной свободе.

Набоков и продлевает общее направление зарубежной пушкинианы, и является зачинателем качественно новых возможностей отношения к пушкинскому наследию. Им открывается творческая возможность «игры с классикой», модернизации ее сюжетов, мотивов и образов, что связано с набоковской философией творчества, неотделимой от парадоксов, гротеска и иронии. Тема «Пушкин и русский модернизм» в творчестве Набокова перерастает в тему «Пушкин и русский постмодернизм».

Нет ни одного набоковского романа, в котором бы не присутствовал Пушкин – это прямые и структурные цитаты и контаминации, отсылки к пушкинским текстам, игра с памятью русского читателя, настроенного на Пушкина, ирония и гротеск, обманно ходы и подстановки «под Пушкина»

автобиографических ситуаций, проигрывание собственных сюжетов на фоне пушкинских. Пушкин как источник творческого материала прочувствован Набоковым биографически. Он был для него не столько национальным символом, сколько «воздухом» России; петербургское детство связывалось с Пушкиным и воспетым им городом; Пушкин был жизнью духа, потаенной и несущей в себе черты трагизма.

Заглавие романа «Дар» (1937-1938) отсылает к пушкинскому стихотворению:

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана,*

которое параболически связано также и с названием предыдущего романа «Приглашение на казнь»:

*Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?* [8]

Набоков соединяет пушкинские формулы «дар» и «казнь» как онтологические основы жизни и творчества.

Концепция «Дара» – «романа в романе» объясняется лекцией «Русские писатели, цензоры и читатели» (1958). Набоков считал, что в России две силы боролись за свободу художника: правительство и критика, одна форма деспотизма увеличивалась за счет другой. Власть имущие считали художника слугой государства; критики, и Чернышевский в частности, в писателе видели слугу народа. И через это чистилище прошли все великие русские писатели.

Отдельное и полное издание романа с четвертой главой о Чернышевском вышло лишь в 1952 году. Набоков иронизирует над «гениальностью» Чернышевского, который писал сразу начисто: «Если Пушкин был гений... то как истолковать количество помарок в его черновиках?». «Дар» – роман о преодолении «тройной формулы человеческого бытия: невозвратимости, несбыточности, неизбежности» [5: 365]. Эту формулу разрушает искусство, высшим проявлением которого является для Набокова гений Пушкина.

В «Даре» есть признание: «...у пушкинского читателя увеличиваются легкие в объеме» [5: 219].

В предисловии к «Дару» на английском языке Набоков утверждал, что истинной героиней романа является русская литература, а вторая глава не что иное как «рывок к Пушкину в литературном развитии Федора» [5: 9]. Пушкин – живое средоточие русского духа; нет изгнания, если жива его поэзия. Эпилог романа имитирует онегинскую строфу: «Поднимется с колен Евгений, но удаляется поэт...» [5: 78]. Набоков знает, что читатель помнит о пушкинской «дали свободного романа». Но перспективы этой «дали» для Пушкина из «мифического» XIX века и Набокова, в условиях русского зарубежья, – глубоко различны.

В «Убедительном доказательстве» (1951, на английском языке), а в автопереводе на русский «Другие берега» (1954) автор, говоря о периоде учебы в Англии, пишет: «Пушкин и Толстой, Тютчев и Гоголь встали по четырем углам моего мира» [6: 123]. Россия, жизнь родного дома в Петербурге описываются в пушкинском контексте. Вспоминая о дуэли отца за честь женщины, Набоков параллельно воспроизводит, вслед за биографически-художественной памятью, поединок на Черной реке: *Пистолет Пушкина падал дулом в снег/ ... Я даже воображал, да простит мне Бог, ту бездарнейшую картину бездарного Репина, на которой сорокалетний Онегин целится в кучерявого Собина* [7: 117].

Мотив «Других берегов» был намечен еще в романе «Подвиг» в байроновско-пушкинском контексте. У Байрона: *И берег Англии пропал / Среди кипящих вод*, в пушкинской элегии: *Я вижу берег отдаленный...* Набоковские «другие берега» – это не только родина и чужбина, но и «две идеально черные вечности», между которыми механически скользит человек в «межбережье», между тьмой перед рождением и тьмой после смерти. «... В горах Америки моей

вздыхать по северной России» – перифраза пушкинского:

*Под небом Африки моей,
Вздыхать о сумрачной России»*

[9].

Вынужденное дистанцирование от родного языка компенсировались особым образом. Писатель заставляет «работать» русскую литературную традицию как такую модель, в которой все смыслы уже присутствуют, нужно лишь их проявить подобно негативу. Этим проявителем стали те приемы, которые и сделали его известным мастером слова во всем мире. Будучи приведены в некоторую систему, они поражают своей целенаправленностью и продуманностью. Это означает, что Набоков сознательно рассчитывал все возможные воздействия заложенных в тексте ассоциаций, параллелей и смыслов на культурную память читателя. За счет этого текст Набокова превращается в лабиринт подтекстов, контаминаций и интертекстуальных связей, попадая в который наивный читатель видит лишь указатели, или собственно голый сюжет, а читатель (критик или филолог) идет вслед за указателями и попадает в лабиринт другого порядка и так далее, этот ряд может быть продолжен в любую сторону как в увеличивающуюся, т.е. в направлении смыслообретений и открытий, так и уменьшающуюся. Культурные коды русской художественной традиции, упрятанные в новую языковую и ситуативную оболочку, играют не только роль ключей-дешифраторов, но и организуют семантическое пространство текста.

Глава четвертая романа В. Набокова «Дар» – наиболее масштабного и сложного русского романа, посвященного теме русской литературы – написана с ярчайшей публицистической пристрастностью, совершенно несвойственной писателю. Такая горячая заинтересованность ясна: рассказывая о Чернышевском, идеи которого Набоков считал одной из главных причин упадка гуманизма

и ряда случившихся в дальнейшем катастроф, писатель не мог оставаться беспристрастным. Общеизвестно, что Набоков утверждал в качестве главного требования к творцу способность создавать вещи, приносящие гуманистическое наслаждение, тогда как в фаворе Чернышевского всегда оставалась политическая литература – та, которую писатель не мог расценивать иначе, чем субъективную и пристрастную.

Набоков, выступающий под именем своего героя Фёдора Годунова-Чердынцева, биографа Чернышевского, очень искренне сожалеет, что созданный Чернышевским в Петропавловской крепости роман «Что делать?» не был по какому-либо стечению обстоятельств утерян безвозвратно. Данное сочинение писатель считал вульгарным, обличающим прежде всего самого своего автора, но, тем не менее, колоссально затронувшим умы и сердца своих читателей.

После прочтения «Дара» устоявшаяся в обществе оценка Набокова разбивается вдребезги: читатель больше не может видеть утончённого художника, существующего лишь в неких эмпириях. Автор «Дара» скорее выступает в роли эксперта, пристально анализирующего развернувшееся вокруг персоны Чернышевского противостояние. Основной целью писателя выступают творческие и гуманистические послылы Чернышевского, заложенные им в своё произведение, неприязнь последнего к вниканию в «особые случаи» и всему единичному. Всё перечисленное, по мнению Набокова, показывало Чернышевского полным профаном в вопросах социальной жизни государства.

Включённые в текст романа библейские мотивы – например, сходство сына священнослужителя, Николая, с «херувимом во плоти» – ярко прослеживаются в мышлении первых деятелей революции: «Святой Дух», – утверждал Чернышевский – уступит место своё Здравому

Смыслу, поскольку бедность становится родителем порока».

Роль Иуды же принимает на себя Некрасов, отказавшийся прийти на прощание с Чернышевским перед тем, как тот отбудет в знаковую для себя ссылку. Развеивая один миф за другим о биографии своего персонажа, В. Набоков уделяет большое внимание исторической достоверности описываемых событий и героев. А. Долинин (литературовед, автор «Истинной жизни писателя Сирина») утверждает, что в таком исторически точном описании Набоков серьёзно превзошёл историографов СССР [10: 172].

И даже заглавие произведения Чернышевского («Что делать?») выступает в прямой параллели со знаменитым риторическим вопросом «Что есть истина», заданным Пилатом. Набоков уверен, что отражение таковой неизменно сокрыто в классической литературе, с чем никак не был согласен Чернышевский. Набоков говорит о том, что Чернышевский наблюдает лишь взаимоотношения между предметами с материальной точки зрения, упуская из виду изучение самого предмета. «Эстетика» являлась для Чернышевского пустым звуком, никакого «гоголевского пейзажа» узреть он был не в состоянии, а сам Гоголь остался для писателя навек непонятым предшественником. На место понятий «красота», «возвышенность» в идеологии Чернышевского и его единомышленников вставало единое понятие «польза».

Эти идеи прошли долгий путь неочевидных изменений – и даже получили свой краткий ренессанс в 1960-х – в том числе в творчестве авторов, отнюдь не расположенных радоваться возвращению В. Набокова в русскую литературу ввиду полного отсутствия в его работах чисто практических мыслей и посылов, позволяющих расценить литературное произведение как «народное». Культ почитания физического мира, неизменное

стремление к поиску сиюминутных рычагов экономического давления ради удовлетворения широких масс и полное отсутствие внимания к очевидным социальным закономерностям и спровоцировали «девяностые»: экономическую яму, повальную нищету, организованные и исполненные народовольцами теракты. Словно «в старом стремлении к “свету” таился роковой порок» [5: 76].

По едкому замечанию Набокова «вся эта плеяда радикальных литераторов писала, в сущности, ногами». На противоположной части весов находятся, к примеру, лирические произведения Ф. Тютчева – социальные и публицистические, поднимающие актуальные проблемы, они неизменно сохраняют высокую художественную ценность и безупречную поэзию.

Автор работы уверен, что единственно возможная оценка запрещённой (даже в период эмиграции) четвертой главы романа «Дар» – «насмешка над Чернышевским». Хотя Набоков неоднократно подчёркивал исключительную жертвенность и безукоризненную нравственность своего героя [11: 10], он однозначно демонстрирует, что в данном случае благие намерения ведут отнюдь не к всеобщему благополучию.

В начале пятой главы романа «Дар» процитированы отзывы на работу Годунова-Чердынцева – само собой, созданные Набоковым, имеющие по большей части саркастический и пародийный характер.

Единственным исключением из общего ряда иронических отзывов является статья Кончеева, который, по мнению многих авторов, срисован с заслужившего глубокое уважение писателя В.Ф. Ходасевича. Это уважение было передано Набоковым и его персонажу, Годунову-Чердынцеву. Пусть и вымышленная, эта статья имеет крайне серьёзный характер, именно такой, о котором мог бы желать автор «Жизни Чернышевского».

В данном вопросе предшественником Набокова был Н.С. Лесков, написавший первую рецензию на роман революционера: «Николай Гаврилович Чернышевский в его романе «Что делать?» (1862). Рецензент абсолютно не относил рассматриваемое творение к произведениям искусства, он серьёзно отнесся к предисловию Чернышевского: «У меня нет даже тени художественного таланта». Лесков попутно заметил: «Роман Чернышевского со стороны искусства ниже всякой критики; он просто смешон» [12: 218].

Мнение Лескова не было услышано в те годы – вероятно, из-за преследовавшего его образа «антинигилистического» писателя, каковое амплуа автор получил с лёгкой руки «шалых шавок» [12: 125].

С романом же «Дар» отечественный читатель смог ознакомиться лишь в начале 1990-х – спустя полвека после выхода произведения в свет и без четвертой главы, которую издатель расценил не иначе, как «совершенно еретическую».

Примечания:

1. Лучинская Е.Н., Кабаньян Б.С. Интертекстуальность в общественно-политическом журнале // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2012. Вып. 4 (107). С. 206-211.
2. Барт Р. Избранные работы: семиотика. Поэтика. Москва, 1996. 616 с.
3. Meyer P. Find What the Sailor Has Hidden. Vladimir Nabokov's Pale Fire. Middletown: Wesleyan Univ. Press, 1988.
4. Набоков В.В. Лекции по русской литературе. Москва: Независимая газета, 1999. 339 с.
5. Набоков В.В. Дар. Санкт-Петербург: Азбука, 2013. 413 с.
6. Набоков В.В. Другие берега. Предисловие к русскому изданию. Москва: Книжная палата, 1989. 250 с.

7. Набоков В.В. Пушкин. Правда и правдоподобие. Эссе // *La Nouvelle Revue Francaise*. Париж, 1937. 1 марта, № 282. С. 25-49.
8. Пушкин А.С. Стихотворения 1823-1836. Москва: Мир книги, 1989. 614 с.
9. Пушкин А.С. Евгений Онегин. Москва: Худож. лит., 2008. 112 с.
10. Долинин А.А. Комментарий к роману Владимира Набокова «Дар». Москва: Новое изд-во, 2019. 648 с.
11. Кучина Т.Г. Творчество В. Набокова в зарубежном литературоведении: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1996. 157 с.
12. Лесков Н.С. Николай Гаврилович Чернышевский в его романе «Что делать?» // Лесков Н.С. Полн. собр.соч.: в 11 т. Т. X. Москва: Худож. лит., 1958. 598 с.

References:

1. Luchinskaya E.N., Kabanyan B.S. Intertextuality in a socio-political journal // *Bulletin of the Adyge State University. Ser.: Philology and the Arts*. 2012. Iss. 4 (107). P. 206-211.
2. Bart R. Selected works: Semiotics. Poetics. Moscow, 1996. 616 pp.
3. Meyer P. Find What the Sailor Has Hidden. Vladimir Nabokov's *Pale Fire*. Middletown: Wesleyan Univ. Press, 1988.
4. Nabokov V.V. Lectures on Russian literature. Moscow: Nezavisimaya Gazeta, 1999. 339 pp.
5. Nabokov V.V. Gift. St. Petersburg: Azbuka, 2013. 413 pp.
6. Nabokov V.V. Other shores. Preface to the Russian edition. Moscow: Knizhnaya palata, 1989. 250 pp.
7. Nabokov V.V. Pushkin. Truth and Plausibility. Essay // *La Nouvelle Revue Francaise*. Paris, 1937. March 1, No. 282. P. 25-49.
8. Pushkin A.S. Poems 1823-1836. Moscow: Mir knigi, 1989. 614 pp.
9. Pushkin A.S. Eugene Onegin. Moscow: Khudozh. lit., 2008. 112 pp.
10. Dolinin A.A. Commentary on the novel "Gift" by Vladimir Nabokov. Moscow: Novoe izdadelstvo, 2019. 648 pp.
11. Kuchina T.G. V. Nabokov's works in foreign literary criticism: Diss. for the Cand. of Philology degree. Moscow, 1996.157 pp.
12. Leskov N.S. Nikolai Gavrilovich Chernyshevsky in his novel "What is to be done?" // Leskov N.S. Full collection of works: in 11 volumes. Vol. X. Moscow: Khudozh. lit., 1958. 598 pp.